

Издание Отдѣла связи съ фронтомъ при Воронежскомъ губернскомъ
комитетѣ В. З. С.

ВЪ ПЛѢНУ.

Со словъ бывшаго въ плѣну
солдата П. З. Бахметьева
записала Е. Милицына.

Цѣна 5 коп.

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Типо-Лит. „Воронежскаго Издательскаго Т-ва“. Бол. Двор. ул., д. Сомова

1917.

13689-0

ВЪ ПЛѢНУ.

Въ село Рудкино, Воронежскаго уѣзда, пришелъ солдатъ, П. З. Бахметьевъ, бывшій въ плѣну въ Австрiи. Я тотчасъ же отпавилась туда и вскорѣ его отыскала.

Въ жаркiй августовскiй полдень я подходила къ небольшому плетневому, крытому соломой, сарайчику, прислонившемуся къ густому вишняку, и еще издали замѣтила подъ его навѣсомъ стриженую солдатскую голову, любовно прижимавшемуся къ полутора-двухлѣтнему ребенку, съ большими темно-кариими глазами.

Солдатъ полулежалъ на вымолоченномъ снопѣ соломы, положивъ голову на другой снопъ и крѣпко обхвативъ обѣими руками ребенка. Рядомъ сидѣла молодая очень красивая женщина, его жена; нѣсколько дальше мать.

Подожла, поздоровалась, сообщила о цѣли прихода. Меня ласково попросили войти, присѣсть.

Что то болѣзненное скользнуло по блѣдному, истощенному лицу солдата. Онъ прибылъ всего два дня тому назадъ и ему видимо не хотѣлось, очевидно въ безчисленный разъ, говорить о перенесенныхъ имъ мытарствахъ; но когда я сказала ему, что желала бы придать возможно широкую огласку его словамъ путемъ печати, лицо его какъ то гнѣвно передернулось, въ сѣроглубыхъ глазахъ мелькнули искры, и онъ поспѣшилъ заявить, что охотно сообщитъ все, что вспомнить о своемъ пребыванiи въ плѣну.

Вотъ его разсказъ: «Около Успенья, 1914 г., двѣ нашихъ дивизiи разбили австрiйцевъ около мѣстечка Воли Городецкой, Холмской губернии, и взяли много плѣнныхъ. Пасъ—27 и 33 сводные

военные госпитали и 10 дивизионный лазаретъ послали въ недалеко расположенное мѣстечко Лащевъ, чтобы мы тамъ разбили свои палатки, что мы и сдѣлали. Предполагалось, что австрійцы отступятъ дальше, а вышло какъ то такъ, что часть ихъ очутилась возлѣ Лащева и открыла стрѣльбу по нашимъ войскамъ, бывшимъ нѣсколько дальше, по другую сторону Лащева. Наши батареи стали отвѣчать. Съ обѣихъ сторонъ начались недолеты и мы очутились въ самомъ обстрѣлѣ.

Мѣстечко вскорѣ загорѣлось. Подъ огнемъ снарядовъ, подъ стоны раненыхъ и умирающихъ, мы снѣжили вывозить раненыхъ изъ полыхавшаго мѣстечка въ находившееся въ верстахъ въ полтора отъ него какое то графское имѣніе, въ большой трехъэтажный господскій домъ, какъ оказалось потомъ, уже биткомъ набитый нашими ранеными и австрійскими, какихъ передъ этимъ подобрали наши санитары.

18 августа мы тутъ были окружены съ трехъ сторонъ подошедшими австрійцами и взяты въ плѣнъ.

Насъ согнали въ одно мѣсто, разбили на шесть колоннъ, сорвали съ насъ санитарныя повязки и, отдѣливъ по одному человѣку изъ колонны, тотчасъ же ихъ разстрѣляли на нашихъ глазахъ: будто бы за то, что они улыбаются австрійскимъ офицерамъ при взятіи насъ въ плѣнъ. А еще, какъ намъ объяснили,—для нашей остраски: чтобы мы не вздумали бунтовать, или бѣжать.

Изъ Лащева насъ гнали въ Тамановъ, оттуда въ Ярославъ. Гнали восемь сутокъ и въ это время ничего не давали ѣсть, и мы питались лишь случайно: сырой капустой, морковью, рѣпой,—всѣмъ тѣмъ, что попадалось подъ руку въ полѣ.

Многіе падали дорогой и умирали отъ истощенія и усталости, такъ какъ насъ гнали, почти не давая намъ передышки.

Въ Ярославѣ насъ посадили въ товарные вагоны и отправили въ Будапештъ. Оттуда черезъ двѣ недѣли въ концентраціонный лагерь близъ городка Изоргома.

Лагеремъ оказалось голое мѣсто, обнесенное колючей изгородью. Построекъ никакихъ. Начались дожди, холода. Мы всѣ пооборвались дорогой; теплой одежды не было. Бывало плянешь, плянешь и день и ночь, чтобы хоть немножко согрѣться. Тутъ особенно много поумирало просто отъ того, что заковенѣли.

Черезъ четыре дня насъ отправили въ другой лагерь, возлѣ городка Дуна Сердагелли, расположеннаго на островѣ на Дунаѣ, между Будапештомъ и Вѣной.

И здѣсь насъ тоже загнали на голый пустырь, обнесенный колючей изгородью. Тамъ уже было нашихъ плѣнныхъ 10,000 человѣкъ.

Погода продолжала стоять сырая, холодная. Чтобы какъ нибудь укрыться отъ холода, мы порыли себѣ котелками землянки и жили въ нихъ, какъ кроты.

Была такая страшная усталость, что не хотѣлось вылѣзть изъ своей норы. Шатаясь, еле волоча ноги, идешь бывало по лагерю, дождь, слякоть, все поле изрыто кучами, похожими на могилы. Отъ дождей многія насыпи надъ ямами обвалились и, странно сказать, бывало не хочется нагнуться посмотрѣть, есть ли кто еще живой въ завалившейся ямѣ, или уже умеръ, или она пустая, потому что все равно было жить или умереть.

Вскороги намъ привезли тесу и заставили насъ выстроить себѣ изъ него отхожія мѣста. Намъ это показалось обиднымъ: объ отхожихъ мѣстахъ для насъ позаботились, а насъ держать какъ собакъ.

Мы кинулись на нихъ и всё ихъ разнесли. Тесины разобрали по своимъ землянкамъ: на палатки и другія надобности.

Австрійцы вызвали солдатъ и поставили противъ насъ два пулемета.

Солдаты выстрѣлили на воздухъ.

Мы стояли оцѣпенѣлые, словно сдавленные какимъ то холоднымъ, неподвижнымъ покоемъ.

Опять дали залпъ, а потомъ погнали насъ вокругъ лагеря и три часа гоняли по грязи. Кто падалъ, или отставалъ, тѣхъ подгоняли прикладами. Нѣсколько человѣкъ умерло.

Когда угоняли до изнеможенія, загнали опять въ наши норы.

Мы жили въ нихъ до конца ноября, ни разу не побывавъ въ банѣ. Солома на нарахъ перебилась въ труху и эта труха кишѣла насѣкомыми.

Только 20 ноября намъ выдали теплую одежду и къ этому времени мы выстроили себѣ теплые бараки.

Въ пять часовъ утра, несмотря ни на какую погоду, окна и двери бараконъ растворялись настежь и мы, полуголые, тряслись отъ холода, какъ рыба на удочкѣ. Насъ выгоняли изъ бараконъ, какъ раньше изъ нашихъ норъ, и десять тысячъ человѣкъ цѣлый день ходили въ затылокъ другъ другу, чтобы получить утромъ стаканъ чая изъ листьевъ черники, безъ сахара, а по воскресеньямъ стаканъ кофе, тоже безъ сахара и по полфунта хлѣба на весь день.

Хлѣбъ былъ изъ смѣси муки изъ горькихъ каштановъ, молотой соломы и молотыхъ костей, въ которую, для склейки всей массы, прибавлялось немного кукурузной муки.

А потомъ начиналось опять медленное движеніе другъ за другомъ, чтобы получить немного отвратительной бурды изъ кукурузной и костяной

муки, по расчету пять килограммовъ (11 $\frac{1}{4}$ фун.) на триста человѣкъ,—вмѣсто супа: или просто теплую воду съ брошенными туда сѣменами аниса.

Между полученіемъ чая и супа проходило четыре часа въ такомъ хожденіи другъ за другомъ, въ затылокъ.

Такое издѣвательство надъ нами мучило насъ болѣе всего.

Впрочемъ, вначалѣ насъ кормили лучше, въ особенности въ то время, какъ распространился почему то слухъ, что скоро будетъ заключенъ миръ: тогда и хлѣба стали давать по фунту съ четвертью на человѣка; а съ марта 1916 г. стало особенно плохо.

Насъ заставили плести изъ соломы лапти. Мы узнали, что эти лапти отправляются солдатамъ на позиціи и отказались ихъ плести. Опять насъ собрали всѣхъ вмѣстѣ, выстроили рядами и предложили выдать виновныхъ.

Мы отвѣтили, что виновныхъ у насъ нѣтъ и что мы всѣ противъ этой работы.

Офицеръ прочелъ намъ приказъ, въ которомъ насъ за ослушаніе ждала смертная казнь; вынулъ часы и сказалъ, что даетъ намъ десять минутъ на размышленіе, послѣ чего грозилъ всѣхъ разстрѣлять.

Опять выкатили противъ насъ пулеметы. Офицеръ ходилъ передъ нами и все вынималъ часы. —Смотрите,—говорилъ онъ,—осталось всего пять минутъ.

Мы отвѣчали, что приготовились къ смерти.

Онъ опять принимался ходить.

—Осталось всего двѣ минуты,—извѣщалъ онъ насъ.—Одна минута..! Пять секундъ.

—Умремъ!—отвѣчали мы.

Дали нѣсколько залповъ вверхъ и опять стали насъ гонять вокругъ лагеря. Волненіе, голодъ,

истощеніе подѣйствовало такъ сильно, что сто шестьдесятъ четыре человѣка упали замертво. Сколько изъ нихъ умерло, я не знаю. Потомъ умирали еще.

Четыре дня намъ не давали ѣсть. Въ нѣкоторыхъ баракахъ не выдержали и согласились работать и тогда отобрали изъ насъ 370 человѣкъ, какъ зачинщиковъ, и погнали на судъ въ городъ Прессбургъ.

На вокзалѣ насъ загнали въ товарные вагоны и заперли въ нихъ. Мы задыхались и были все мокрые отъ тѣсноты. Многіе лишились чувствъ, но продолжали стоять, стиснутые со всехъ сторонъ.

Въ Прессбургѣ насъ посадили въ тюрьму, гдѣ засѣдалъ военный судъ. Тамъ было много русинъ и чеховъ, обвинявшихся въ уклоненіи отъ военной службы.

Держали насъ въ темныхъ камерахъ. Теплую пищу давали черезъ два дня. Два дня мы ѣли только хлѣбъ.

Многихъ изъ насъ присудили къ тюремному заключенію отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ. Тѣ, которые вернулись въ лагеря послѣ отсидки, рассказывали, что многіе изъ заключенныхъ на долгіе сроки тронулись умомъ, и мы такъ и не узнали потомъ, что съ ними случилось.

Послѣ суда къ намъ въ Дуна Сердагелли приѣхалъ какой то генералъ, прочелъ бумагу о томъ, что у насъ вводится осадное положеніе, и грозилъ намъ повѣшеніемъ.

Бумагу эту расклеили на дверяхъ всехъ барачныхъ.

Мы боялись говорить, такъ какъ среди насъ были шпионы.

Кромѣ тюрьмы и карцера, у насъ было одно наказаніе—подвѣшиваніе къ врытому въ землю столбу. Скручивали за спиной руки и привязан-

ной къ нимъ веревкой подтягивали челоѡка къ ввернутому вверху столба желѣзному кольцу.

Къ другому кольцу внизу столба подтягивали ноги—такъ, чтобы нельзя было ими касаться земли. Въ такомъ положеніи, съ вывернутыми руками, держали обязательно два часа.

И висѣлъ три раза. Неймовѣрная боль, приливы крови къ головѣ и что то страшное, что творилось во всемъ тѣлѣ, вытягивало жилы, выворачивало кости—лишало сознанія. Черезъ два часа замученнаго челоѡка снимали, отливали водой и клали въ гробъ. Нѣкоторые не выдерживали мученій и умирали—большинство изъ нихъ, уже очнувшись въ гробу.

Вскрытіями было установлено, что смерть происходила отъ разрыва сердца.

Мы были такъ голодны, что ѣли дикую сурѣнку, росшую по овсу, какой былъ посѣянъ на площадкѣ среди лагеря. Стыдно сказать, противно вспомнить, но находились такіе, что не гребовали вылѣзавшими на поверхность земли послѣ сильныхъ дождей красными червями и, обмывъ ихъ, варили въ котелкахъ.

За колючей проволокой росли огурцы. Несмотря на то, что приближаться къ ней было строго воспрещено, и возлѣ ходилъ часовой съ ружьемъ, мы лѣзли къ изгороди, чтобы только взглянуть на огурцы.

Разъ, какой то вольный, собирая огурцы, бросилъ ихъ намъ черезъ проволоку нѣсколько штукъ. Часовой закричалъ: „Нема воли!“—но его не послушали и кинулись подбирать огурцы. Онъ выстрѣлилъ и одинъ молоденькій грузинъ упалъ мертвымъ.

Чувство голода было настолько велико, что все прочее: тоска по родинѣ, семьѣ, заслонилось однимъ желаніемъ поѣсть. И въ то же время нервы были такъ напряжены и истощены, что изъ за малѣйшихъ пустяковъ насъ трясло и при ссорахъ,

вспыхивавшихъ между нами поминутно, мы готовы были убить другъ друга. Голодъ доводилъ до остраго желанія смерти и не могло быть, поэтому, жалости и къ другимъ.

Былъ у насъ въ лагерѣ и еще одинъ бунтъ. Мы давно подозрѣвали что то неладное, получая какое то странное мясо, съ отвратительнымъ запахомъ, который чувствовался даже въ консервахъ. Въ супѣ мы находили какіе то склизлые отонки, однимъ своимъ видомъ вызывавшіе у насъ тошноту, но голодные спазмы въ желудкѣ и какое то страшное безразличіе ко всему заставляли насъ ѣсть и этотъ супъ, и эти отонки. Подозрительно было еще то, что привозимыя тушки были съ отрубленными головами и лапами.

И вотъ мы какъ то разъ увидѣли ободранную голову, съ оскаленными зубами и прикушеннымъ языкомъ, и сразу поняли—чья это была голова.

Отвращеніе, обида, голодъ, все смѣшалось, все закипѣло въ насъ. Мы кричали, что отказываемся отъ всякой пищи и желаемъ умереть.

Австрійцы растерялись и не знали на этотъ разъ, какъ съ нами поступить.

Конину мы ѣли. Мы узнавали конское мясо по пулямъ, какія находили въ немъ. По этимъ же пулямъ мы догадывались, что намъ привозили ее съ позицій. Она часто была не свѣжа, но мы все таки ею не брезговали. Но перевернуть себя настолько, чтобы заставить себя ѣсть конину—мы не могли.

Многіе заболѣли. Ихъ поминутно тянуло рвать; у нихъ появились опухоли и боли въ желудкѣ.

Тушки съ отрубленными головами и лапами больше не появлялись.

Днемъ заходить въ бараки въ неуказанное

время было строго запрещено. Если дневальный изъ плѣнныхъ засыпалъ и его спящаго захватывалъ обходъ, случалось, что ему всаживали въ бокъ штыкъ. Особенно было страшно, когда ночью по баракамъ ходили на провѣрку мадьяры. Рѣдкая ночь проходила безъ кровопролитія.

— Спать, курва—Русляндъ! Спать!—кричали мадьяры.

Мы въ дикомъ страхѣ кидались на нары и были случаи, когда неловкій подсаживался штыкомъ. Человѣкъ не долго потомъ жить.

Каждый день насъ выстраивали во дворѣ для выслушанія приказовъ, въ которыхъ вычитывали, кто изъ нашей партіи былъ повѣшенъ, кто разстрѣлянъ, кто заключенъ въ тюрьму.

Тягостно было слушать эти приказы. Если мы, собравшись, заявляли, что желаемъ подать коменданту лагеря жалобу, къ намъ приводили солдатъ съ ружьями и прикладами загоняли въ бараки. Ни разу за всѣ 23 мѣсяца, что я пробылъ въ плѣну, намъ не удалось заявить ни одной жалобы.

Какъ то къ намъ прислали плѣнныхъ изъ другого лагеря въ Терезіенштадтъ, и они передали намъ, что у нихъ въ лагерѣ завелась какая то повальная болѣзнь, отъ которой въ девять дней умерло нѣсколько тысячъ. Человѣкъ говорилъ, ходилъ, выпьетъ изъ подъ крана воды и вдругъ какъ то оцѣпенѣетъ. Сдѣлается синимъ, скрючится, присядетъ, подожметъ подъ себя ноги и, смотришь, валится на бокъ. У него отнимался языкъ и черезъ часъ—два онъ умиралъ. Что это была за болѣзнь—никто не зналъ. При вскрытіяхъ говорятъ, находили въ желудкѣ и кишкахъ какую то черную жидкость на подобіе грязи.

Привозили большіе черные ящики клали въ нихъ по четыре человѣка и засыпали известкой. Санитары, какіе этимъ занимались были въ бѣломъ и имѣли на лицахъ повязки.

Болезнь прекратилась лишь тогда, когда плѣнныхъ развезли по другимъ лагерямъ.

Насъ всячески уговаривали остаться и принять австрійское подданство, хвалили свои порядки и говорили, что въ Россіи мы ничего не получимъ послѣ войны, кромѣ обиды.

Вокругъ лагеря были устроены дома свиданій, куда приводили плѣнныхъ и куда приходили женщины. Тѣмъ, кто согласился бы выбрать себѣ изъ нихъ жену, сулили по 10 десятинъ земли, по 2,000 кронъ деньгами, по 2 лошади и по коровѣ. Нѣкоторые поддавались соблазну; съ ними ласково обращались и ихъ хорошо кормили.

Въ лагерѣ, при городѣ Егерѣ, жилъ турецкій мулла, сбивавшій плѣнныхъ татаръ уходить въ Турцію, и татары у насъ замѣтно таяли.

Меня назначили санитаромъ въ нашемъ лагерномъ лазаретѣ. Добиться заболѣвшему попасть въ околотокъ было очень трудно: туда принимались только увѣчные, избитые или трудно больные.

Старшимъ врачомъ у насъ былъ докторъ Флейшманъ. Онъ держалъ насъ всѣхъ въ такомъ тренетѣ, что мы были нервно больны отъ его обращенія съ нами, ослабѣли и потеряли способность здраво мыслить.

Какъ только въ госпиталь входилъ Флейшманъ, все напрягалось, замирало, дрожало. Слышались лишь окрики Флейшмана, допрашивавшаго больныхъ, которыхъ онъ тутъ же при всѣхъ избивалъ, если, по его мнѣнію, больной былъ не настолько боленъ, чтобы осмѣлиться явиться къ нему въ околотокъ.

Дѣлая обходъ, онъ кидалъ бѣшенные взгляды на температурные листки, если видѣлъ, что температура у больного упала, вышвыривалъ его изъ лазарета подъ арестъ на хлѣбъ и воду, билъ по лицу. Требовалъ, чтобы и въ лазаретѣ окна съ

утра и до вечера были отворены, отчего быть сквознякъ и многіе больные пропали.

Встрѣчать Флейшмана должны были всѣ у дверей лазарета, и если кто опаздывалъ, то это такъ выводило изъ себя Флейшмана, что онъ хватывалъ пашку и гонялся за опоздавшимъ съ безобразными ругательствами. Онъ тоже часто выстраивалъ насъ и читалъ по нѣмецки какіе то приказы.

— Разумѣте?—спрашивалъ онъ время отъ времени.

— Разумѣмъ?—отвѣчали мы, ни слова не понимая.

— Швыни!

Теперь, когда я отдохнулъ, мнѣ кажется страшнымъ сномъ вся наша жизнь въ плѣну, и я удивляюсь, какъ я могъ тогда ее вытерпѣть, сколько разъ я былъ битъ Флейшманомъ. Бывало насторожишься весь, вытянешься изъ всѣхъ силъ, чтобы избѣжать побоевъ, но нѣтъ: придерется къ чему нибудь: то увидитъ на полу мокрое пятно, и приметя битъ; то покажется ему, что пахнетъ махоркой, и опять битъ.

Разъ была очень дурная погода: снѣгъ, вѣтеръ. Я топилъ баню и пустилъ пятерыхъ нашихъ малость обогрѣться, и вдругъ отворяется дверь и показывается Флейшманъ. Не могу вамъ разсказать, что съ нами сдѣлалось: такого страха мы не испытывали и на позиціи, когда очутились подъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ и непріятельскихъ орудій. Не помня себя, мы выскочили всѣ изъ бани и понеслись по лагерю. За нами Флейшманъ, съ облаженной пашкой. Мы разбѣжались и попрятались. Флейшманъ кричалъ и требовалъ солдатъ, чтобы оцѣпить лагерь, грозилъ разстрѣломъ.

Если бы не было нашихъ русскихъ плѣнныхъ врачей, приставленныхъ къ намъ, я не знаю, что съ нами было бы. Они насъ спасали. Съ особою благодарностью вѣкъ буду помнить врачей Тихо-

нова и Кантора. Они рѣзались съ Флейшманомъ, стараясь не дать насъ въ обиду.

Многіе изъ насъ посѣдѣли отъ переживаемыхъ волненій и истощенія силъ. Многіе сходили съ ума, кричали: „Зачѣмъ насъ подвѣшиваютъ! Зачѣмъ стрѣляютъ въ насъ!“

Наши плѣнные офицеры находились въ особомъ отъ насъ лагерѣ, и сношенія съ ними были строго запрещены, но мы все-жъ таки ухитрились пересылать имъ записочки, въ которыхъ описывали имъ наше положеніе. Отъ нихъ получали неизмѣнный отвѣтъ: „Терпите, братцы. Послѣ войны все взыщется.“

Изъ Россіи къ намъ пріѣзжала сестра милосердія, какая то княгиня. Фамилію ея точно не упомяну: что то вродѣ Ашвили. Она опрашивала насъ и видѣла столбы, къ которымъ насъ подвѣшивали. Гробы, въ которые насъ клали, отъ нея спрятали. Она записала всѣ наши показанія и потребовала вынутія столбовъ и удаленія Флейшмана.

Флейшмана съ тѣхъ поръ мы больше не видѣли. Столбы были вырыты, но черезъ двѣ недѣли послѣ ея отъѣзда ихъ врыли опять и еще въ большемъ количествѣ.

Многіе въ лагерѣ вели дневники, но это замѣтили. Оцѣнили лагерь, сдѣлали повальный обыскъ и дневники отобрали, въ томъ числѣ у меня.

Я много могъ бы передать о страданіяхъ нашихъ въ австрійскомъ плѣну. Много видѣлъ я смертей, много страшнаго прошло передо мной, но я потерялъ тамъ свою прежнюю наблюдательность, которая, какъ я понимаю теперь, рождается чувствомъ жалости. Но тогда я не могъ жалѣть ни себя, ни другихъ, и потому многое прошло передо мною словно въ какомъ то предсмертномъ туманѣ. Плѣнь, какъ ужасная болѣзнь, всасывается въ душу и тѣло и вылечинися отъ него не скоро. Вотъ теперь я вижу родины мѣста,

родныя поля, жену, ребенка, но все это кажется мнѣ какимъ то сномъ, а внутри все еще холодно и страшно.

Черезъ три мѣсяца мнѣ опять идти на позиціи и если придется опять быть окруженнымъ врагомъ и сдаваться въ плѣнъ, клянусь вамъ своимъ ребенкомъ: самъ себя уничтожу, а уже въ плѣнъ ни за что не пойду.

Записала *Е. Милицына.*

Подлинникъ этого сообщенія подписанъ передавшимъ мнѣ его рядовымъ П. З. Бахметьевымъ.

ИЗДАНИЯ В. И. ДМИТРИЕВА.

1. «Надоѣло» и «Легенда о нищихъ». Л. Н. Толстого.
«Голодный годъ». А. С. Ермолова.
«Картинки деревенской жизни». Св. І. Кедрова.
«Союзъ Копѣйки». Проф. Ив. Озерова 20 к.
 2. «Джонъ Бёрнсъ—вождь рабочей партіи въ
Англіи». Э. Пименовой 20 к.
 3. «Сила науки въ экономической борьбѣ». О. По-
летаевой 20 к.
 4. «Страничка изъ жизни проф. Д. И. Менделѣ-
ва». С. Кашъ 20 к.
 5. «Письма изъ деревни». Г. Коллежницкаго 20 к.
 6. «Скромное геройство». В. Зарубина 15 к.
 7. «Въ мастерской художника Руджіо». Его-же 15 к.
 8. «Добродѣтельная фея». Аккерманская леген-
да. Его-же 15 к.
 9. «Первая Рождественская елка» (съ француз-
скаго). Кн. С. Мещерской 15 к.
 10. «Рюрикъ» (изъ юнкерской жизни). И. Жилинскаго.
«Юнкерскія стихотворенія». В. Дмитріева. 20 к.
 11. «Изъ полевой книжки офицера». В. Зарубина . . . 50 к.
-

